Коммунист Таджикистана
г. Сталинабад

СРЕДА, 4 ДЕКАБРЯ 1957 г., № 285 (8197).

СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АБУЛЬКАСИМА ЛАХУТИ

ПОЭТ, БОРЕЦ, ПАТРИОТ

Абулькасим Лахути

Лахути был верным и любящим сыном Родины, преданным ей до последнего вздоха. В его большом и горячем сердце вечно жили рядом любовь к Ирану, страдание за него, мечта о его освобождении и чувство преданности, благодарности и любви к Советской стране, принявшей его, как любимого сына.

Лахути восхищался небывалой мощью, буйным цветением и щедростью нашей Отчизны, назвав ее родиной Радости. Но никогда он не мог забыть глиняных стен Керманшаха, иранского городка, где родился, где отец — поэт и башмачник—дал ему крылья поэзии. Там впервые ощутил он жуть и восторг, услышав легенду о кузнеце Кове, образ которого на всю жизнь завладел душой Лахути, вселил желание стать на него похожим, уверил в силе поэтических строк.

То, что однажды запало в душу, не убили ни голод, ни ранний тяжелый труд. Глядя в огонь кузнечного горна, он видел Кову; починяя нищенскую обувь, ощущал кожаный фартук сказочного героя, ставший знаменем повстанцев; в мастерской слесаря ему чудился лязг оружия борцов за свободу. Не сломили его мятежного духа и учителя в тегеранской школе «Адемийет».

Изгнанный из школы за вольнодумство, юноша уже знал, куда направить свой путь, и стал активным членом подпольных кружков национально-освободительного движения. Именно в эти годы с особой силой проявляется его поэтический дар. Он писал стихи и поэмы, притчи и прокламации.

Уже в те годы молодой поэт выступает, как лирик-публицист, памфлетист и политик. Поэтическое слово было его оружием в борьбе. Марши и песни Лахути пела революционная армия в 1908 году, свергшая ненавистного тирана Мухамед-ал-шаха. В числе повстанцев был и Абулькасим Лахути. Его тогда наградили орденом революции— самодельным, трогательно-наивным жетоном. Но свержение шаха не было еще победой народа. Борьба продолжалась.

В 1914 году в Европе началась империалистическая война. В Иран вступили английские и царские войска. Лахути включается в борьбу с незванными гостями.

За это ему грозит смерть, и он покидает пределы Ирана, ища убежища в Турции. Там был он очень недолго. Его звала родина, звала к борьбе, и Лахути пешком, через пустыни и горы вернулся в родной Керманшах.

Все еще не покинули Иран чужеземные войска. Но в революционном подполье Лахути впервые встретил и полюбил русских революционеров. Тогда на их фуражках еще были кокарды царской армии, но сердце горело желанием свободы для всех народов. Это были большевики. От них Лахути впервые воспринял идеи марксизма, теорию борьбы классов, понял, что пролетарии всех стран должны соединиться, что русский царизм одинаково враждебен народу Ирана и народу России.

В 1917 году яркий свет Октября озарил весь мир, потряс и пошатнул троны угнетателей. Русские войска ушли из Ирана. Напуганная знать при поддержке иностранного капитала усилила реакцию и террор. И снова революционер Лахути в Турции.

Всю горечь изгнания, всю боль разлуки с родной землей испытал он, живя в стране, где чужим был каждый камень. И грузил ли он в Стамбульском порту иностранные корабли, помогал ли повару в дешевой харчевне, учил в школе детей или продавал на улицах газеты — он упорно и пламенно думал о родине, рвался туда и писал, писал стихи — горячие призывы к борьбе за свободу родины.

А с родины доносятся вести, что все еще живет дух борьбы, что в Гиляне и Тебризе особенно неспокойно. Лахути возвращается в Иран и оказывается в самом центре борьбы. Теперь он уже один из вождей революции и в то же время воспевает ее, как поэт. Революционные отряды захватили Тебриз. Но еще не пришел день победы. Войска иранских реакционеров, поддержанных иностранным капиталом, жестоко подавили революцию.

Лахути, осужденный на смерть, эмигрирует в СССР. Если в Керманшахе впервые забилось сердце поэта, если там сделал он свой первый шаг, то на советской земле он впервые ощутил свободу, впервые почувствовал себя хозяином своей страны. Словно вторично родившись, увидел он новый мир.

Здесь тоже шла борьба. Непримиримая, жестокая борьба за утверждение нового мира. И поэт-борец включился в эту борьбу, стал участником великой стройки.

— Место поэта в рабочем строю, — говорил Лахути. Страна с благодарностью приняла его труд, взяв на вооружение воинствующую поэзию и организаторский талант своего нового гражданина.

В январские морозные дни 1924 года, в дни величайшей печали, когда умер вождь пролетариев всего мира—наш Ленин, тысячи луч.ших сынов советской земли вступили в ряды его партии. Среди них был и Лахути. Он в те дни, как и многие, окончательно понял, что идеи ленинцев — его идеи, их борьба — его борьба.

Патриотические свои чувства Лахути выразил в замечательной поэме «Путешествие в Фарангистан», которая смело может быть поставлена в ряд со «Стихами о Советском паспорте» Вл. Маяковского.

Когда в 1930 году Лахути приехал в Таджикистан, он в его сегодняшнем дне увидел завтрашний день Ирана. Он увидел, на что способен народ, сбросивший гнет, взявший власть в свои руки.

Таджики с полным правом считают иранского поэта Лахути также и своим поэтом, ибо очень много он сделал для становления молодой таджикской литературы. И в том, что теперь в быт таджиков прочно вошли книги, журналы, газеты, также большую роль сыграл Лахути, укреплявший издательское дело в республике. Он сроднился с таджикским народом, и когда в 1932 году получил высокую награду — орден Трудового Красного Знамени, заявил, что «честь трудового Красного Знамени принадлежит пролетариату Таджикистана».

В 1936 году он был удостоен высшей награды — ордена Ленина. И вновь принося железную присягу «рабочей армии и ленинскому стягу», Лахути до конца верно служит нашему знамени, своему знамени, «чтоб классов след оно смело повсюду».

Все более содержательным и глубоким становится творчество Лахути. Ширится круг тем, большого разнообразия достигают жанры.

Творчество Лахути неизмеримо богато, потому что оно отражает жизнь. Он пишет о колхозах, о рабочих, о свободных женщинах—таджичках и узбечках, пишет о подвигах строителей Памирского тракта, всегда живо откликается на события окружающей его жизни стихом, поэмой, балладой, стихотворной корреспонденцией. Пишет он драматическое произведение «Кузнец Кова», воплощая дорогой с детства образ, воспевая народ.

В дни Великой Отечественной войны Лахути посвящает чудесные строки Зое Космодемьянской, осажденному городу-герою Ленинграду, фронтовикам и труженикам тыла. С болью следя за войной в Корее, он пишет о корейской девушке. И никогда Лахути не забывает Иран. Он не отказался от борьбы. Он борется стихом, адресуя его иранским крестьянам, интеллигенции, женщинам, народу Ирана, призывая его продолжать борьбу за счастье, предостерегая от врагов, открывая правду о Советском Союзе и его врагах.

Надежда на светлое будущее иранского народа никогда не покидала Лахути. Он верил, что в грозный час решительной битвы народ позовет его, верил в близость и неизбежность этого часа. И народ Ирана помнил его и чтил, как боевое знамя храня его стихи и его имя. Но продажные писаки из реакционных иранских газет, выполняя волю своих заокеанских хозяев, попытались украсть и обесчестить это имя. В зимние дни 1953 года, когда Лахути, уже престарелый, но все еще полный сил, сидя на своей подмосковной даче, писал новые стихи о борьбе народов мира за мир, в газетах «Сиаси», «Ферман», «Седае ватан» и других появились статьи о том, что якобы Лахути бежал из СССР. С гневной отповедью выступил тогда Лахути. «Я живу и тружусь в Советском Союзе, — писал поэт, — стараясь своим поэтическим словом содействовать борьбе иранского народа за свою честь и национальную независимость, содействовать дружбе между народами, рассказать правду народам Востока о величии и счастье народов Советского Союза».

И еще однажды адресовал свои слова за рубеж Лахути, прочитав в 1956 году небольшую заметку о клеветническом выступлении министра Наттинга — английского министра. Лахути не смог остаться равнодушным к этой грязной лжи о стране, где впервые в мире слова «свобода» и «дружба» стали законом жизни.

Коммунист Лахути заявил: «...трещит по швам, разваливается гнилая система колониализма. Свежий ветер, веющий из страны, впервые осуществившей подлинное братство народов, оказывает могучее влияние на национально-освободительное движение всех угнетенных народов мира, пробуждая их к действию и борьбе».

Лахути уже нет. Он умер в дни, когда простые люди всех стран теснее объединились в борьбе за мир. Он увидел освобождение Китая, Индию, сбросившую английское ярмо, увидел героизм Кореи и Вьетнама. Он был свидетелем пробуждения национального самосознания народов Востока. И это наполняло радостью последние дни его жизни.

Все ярче, все шире разгорается на Востоке заря свободы. Восток светлеет! Восток пробуждается, осознав, что

«Трудящихся лишь единенье спасет,
Низвергнет навеки насилье!»

ЯРКИЕ ОБРАЗЫ

Образ революционера с первых лет творческой деятельности Лахути занимал видное место в его поэзии.

Одно из первых стихотворений эта под названием «Исполненное обещание» (1909 год) было посвящено славной памяти Саттархана— активного участника иранской революции 1907 — 1911 годов, который «жизнь отдал, но не сдался». В 1921 году Лахути написал стихотворение «Шамсе Касмои», в котором обращается к Шамсе Касмои, матери революционера Карима Арбобзаде, отдавшего жизнь за дело рабочего класса, за дело революции. Поэт, искренне разделяя горе матери, призывает ее мужественно перенести тяжелую утрату, ибо подобные жертвы ускоряют победу трудящихся. Лахути с гордостью называет ее своей матерью: ведь ее погибший сын боролся за их общее дело.

Одним из первых произведений, написанных в Советском Союзе и посвященных славным патриотам Ирана, является «Единение», (1924). Здесь поэт рисует волнующую картину ареста мужественного революционера, которого солдаты ведут в тегеранскую тюрьму.

Разоблачая существующие антинародные законы и порядки, революционер-узник приходит к правильному выводу, что: «Трудящихся лишь единенье спасет». Выразительными и простыми словами Лахути правдиво и глубоко раскрывает душевный мир рядового революционера.

Баллада «Смерть революционера» (1924) написана о революционере Хайдар Амуугли. Эпизод, описанный в ней, относится к революционному движению в Гиляне 1920 — 1921 годов. В балладе противопоставлены Хайдар Амуугли — представитель трудового народа, стойкий революционер, непоколебимый руководитель ЦК компартии Ирана, и Кучукхан, выходец из буржуазной среды, пособник духовенства и предатель народного дела.

Славной памяти одного из организаторов революционного профсоюзного движения в Иране, зверски замученного в тегеранской тюрьме, посвящается стихотворное послание «Товарищу Хеджази» (1929). Прославляя подвиг Хеджази, поэт говорит о сотнях и тысячах мужественных борцов революции.

Большой интерес представляет стихотворная новелла Лахути «Страницы славы», в которой описываются революционные события 1907 — 1911 годов в Иране. Рассказывая об их мужественных участниках, он делает вывод, что народ непобедим, он не может умереть. На смену павшим бойцам приходят другие, в них возрождается имя павших, и не смерть, а могучая жажда свободы и правды ведет народ. Эта поэма Лахути, как и другие, утверждает необходимость революционной борьбы и призывает каждого внести свой вклад в великое дело революции. В стихах и поэмах Лахути встречаем мы многие имена революционеров Ирана и других стран.

Прекрасное стихотворение «Шаллои и Фюрсту» посвящено памяти славных венгерских коммунистов, казненных фашистами в 1932 году.

Большое место в творчестве Лахути заняли также лучшие сыны его второй родины — Советского Союза. Он посвящает стихи герою таджикского народа Мукуму Султанову, деятелям советского государства Серго Орджоникидзе, М. И. Калинину, С. М. Кирову, К. Е. Ворошилову, И. В. Сталину и другим.

Показывая различие характеров и душевных склонностей этих людей, Лахути раскрывает единство их целей и стремлений, как борцов за дело коммунизма.

Важнейшим и отрадным событием в таджикской советской литературе и в прогрессивной литературе Ирана являются стихи А. Лахути об основателе первого в мире Советского государства и Коммунистической партии — В. И. Ленине, об Октябрьской революции, о Коммунистической партии.

Все произведения Лахути написаны о народе и Родине, для народа и Родины. Поэтому его творчество играло и играет огромную роль в деле пропаганды передовых идей современности.

Я. ИСАЕВ.

Пламенные строки

ЖЕЛАНИЕ

Желаний много в жизни я питал,
О многом в детстве, в юности мечтал.
Подобно мне, ребенок нищий каждый
Нередко засыпал, томимый жаждой.
О, жаждой многого! Но в те года
Так одиноки были мы всегда.
Мечтами все желанья оставались
И наяву ни разу не сбывались.
Открыв глаза, я видел пред собой
Жизнь, гнавшую желанья на убой...

* * *

Пришел Октябрь в его красе и славе
И дал нам детства сны увидеть въяве.
Текли года невиданной борьбы
В честь новой человеческой судьбы.
И ныне, сед, но сердцем неустанен,
Опять надежд я полон и мечтаний.
Того, за что народы все стоят,
Хочу и я! Стремленьем тем объят,
Какое с детства мы в груди носили:
Чтобы, сметая злобу и насилье,
На свете утвердился дружбы век,
Чтоб жил, как людям должно, человек.
Чтоб мог любой народ расправить спину,
Ярмо корыстных чужеземцев скинув,
Чтобы, сплотясь, народы отвели
Кровавую угрозу от земли.
Сливаются ручьи, — река родится,
Сбегаются дома — встает столица.
Кто в одиночку маялся давно —
Уж не ОДИН, сегодня мы — ОДНО.
Увидим наяву надежду нашу.
А недругу — испить позора чашу!

Перевела Ц. БАНУ.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Этот холм с повалившимся кедром,
Этот пепел увядшей травы...

(«Английская колония в Африке», 1923 г.).

Вновь побеги пустил повалившийся кедр,
Корни кедра живучи, крепки.
Здесь не вы, чужеземцы, хозяева недр,
И полей, и могучей реки!
Нет, вовек никому из породы акул
Здесь не править: не те времена!
Единенья народного слышите гул?
Это встала из пепла страна.
Гордый Нил вы смирить помышляли навек.
Обагрив его кровью сынов.
Не смирить его гнев, не сдержать его бег.
Он встает, непокорен, суров.
И с бесчестным приспешником вместе одну
Вновь плетете вы сеть второпях.
Дула пушек наводите вновь на страну,
Но в глазах ваших прячется страх.
Да, убийцы, вам страшно, и слушать невмочь
В новых песнях звенящую медь.
Вас повсюду преследует грозное «Прочь!»,
Громовое встречает: «Не сметь!».
Встанут рядом товарищи — негр и араб,
Все, кто рвется оковы стряхнуть.
Если раб ощутил, что он больше не раб, —
Господину его не согнуть.

Перевела Ц. БАНУ.

НАШ УЧИТЕЛЬ

Я с детства любил читать наизусть изящные и звучные стихи наших классиков — Рудаки, Джами, Хафиза, Бедиля. Но в те времена мы, повторяя наизусть полюбившиеся строки, чувствовали только их ритм, звучание и красоту слов, а смысла стихов не понимали. Этому нас не учили в старых школах. И когда мы спрашивали у мулло, о чем эти стихи, он отвечал нам, что нельзя понять Хафиза, что это — коран в поэзии и его божественная сущность необъяснима.

Когда в нашем краю были построены новые советские школы, к нам впервые пришло познание жизни и познание литературы. Впервые мы услышали понятные нам слова: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой». И мотив этой песни стал нашим боевым гимном. Этот марш мы пели, конечно, на своем родном языке, и полюбили автора таджикского текста «Интернационала» Абулькасима Лахути.

С тех пор я долгое время жил мечтой — увидеть этого смелого и доброго человека, познакомиться с ним, сказать ему спасибо за песню, окрылившую нашу юность.

Вскоре я сам начал сочинять слова на народные таджикские мелодии. И день за днем любовь к литературе — но уже не просто к красиво звучащим строкам, а к поэтическим мыслям, призывающим построить новый мир, — прочно вошла в мое сердце, разум, во всю мою жизнь.

В 1936 году, когда я учился в Ташкентском учительском институте, у нас был организован литературный кружок, которым руководили молодые преподаватели литературы и истории Шариф Хусейн-заде и Зариф Раджабов. И вот однажды устод Хусейн-заде торжественно объявил нам, что в Ташкент приехал всем нам известный поэт Лахути и завтра встретится с нами. Я не спал целую ночь. Я читал сам себе свои стихи, безжалостно браковал их и мучился мыслью, что эти беспомощные строки будет слушать прославленный революционер и художник слова.

Назавтра в зале института собралось множество народа. За столом президиума появился невысокий седой человек с добрыми ласковыми глазами. Это был Лахути. Он весело шутил и смеялся, разговаривая о чем-то с нашим учителем Хусейн-заде и писателем Азизом Ниалло, а потом обратился с речью к нам, затаившим дыхание студентам.

Лахути сказал нам, что в таджикской литературе есть новые молодые силы, как, например, Турсун-заде, Дехоти, Амин-заде, но этого мало, нужны еще писатели и поэты и страна надеется на нас, студентов, начинающих литераторов.

Это теплое обращение придало нам сил и бодрости. Потом Лахути прочитал несколько своих стихотворений, мы тоже выступили, и, волнуясь, прочли поэту знакомые нам с детства его стихи. А потом, волнуясь еще более, прочли и свои творения.

Я был счастлив необычайно: мастер слова, известный поэт Лахути, одобрил мое стихотворение, посвященное Конституции.

На следующий день Лахути вызвал к себе 2 — 3 членов литературного кружка, в том числе и меня. И тогда, в простой беседе, глубоко и тонко проанализировал наши стихи, останавливаясь на каждой строке, на каждом слове, говоря и о теме, и о замысле стиха, и о его метрике. Больше двух часов продолжалась эта памятная беседа. Лахути пожал мне руку и сказал: «Учитесь, трудитесь, занимайтесь, — и у вас получится. Будете поэтом».

Сейчас я поэт, и у меня на висках густо пробилась седина. Но я вспоминаю встречу с Лахути с первым трепетным чувством ученика, благоговеющего перед учителем.

В 1940 году произошел интересный случай. Мы, группа молодых литераторов, подали заявление о приеме в члены Союза писателей. Лахути как раз был в Сталинабаде. На очередном литературном вечере в пединституте, где выступали многие таджикские поэты — Мирзо Турсун-заде, Миршакар и другие, я прочел какое-то свое слабенькое стихотворение. Я стоял на трибуне и читал его более 20 минут, потому что Лахути, не выдержав, встал рядом и комментировал это стихотворение построчно, подробно разбирая каждую неудачную рифму, неясную мысль. Я сошел с трибуны вспотевший и твердо убежденный, что теперь в Союз меня, конечно, не примут. С этой мыслью я ушел домой и безвыходно засел в своей комнате, думая, что все для меня кончено.

Из глубочайшего уныния меня вывел приход Джалола Икрами. Он успокоил меня, сказав, что такой жестокой критике подвергся не один я, что все молодые таджикские писатели испытали на себе пристрастную любовь Лахути к таджикской литературе и его заботу о том, чтобы литература эта вырастала крепкой, смелой и боевой.

И действительно, когда на президиуме Союза писателей разбирался вопрос о приеме и я, волнуясь, рассказывал свою биографию, а потом читал новое стихотворение о весне, — Лахути вдруг встал, подошел ко мне и крепко пожал руку, говоря: «Вот это совсем другое дело, за это стихотворение можно смело принимать в члены Союза, на вас теперь надежда большая».

И я с особенно глубоким чувством любви вспоминаю сейчас поэта Абулькасима Лахути, ибо он оказал огромное влияние не только на развитие и становление всей таджикской литературы, но и на мою собственную судьбу как человека и литератора. В этом своем чувстве я не одинок. Почти все наши писатели хранят письма А. Лахути, в которых он дружески разбирает их произведения.

Однажды Лахути прислал мне свой перевод пушкинского стихотворения, где великий русский классик говорит о Саади. Он писал в связи с этим: «Если хотите стать хорошим поэтом, изучайте русскую литературу, изучайте классиков этой литературы, чтобы обладать таким же широким мировоззрением, какое вы найдете в творениях этих классиков. А широта мировоззрения дает широкий размах всему вашему творчеству».

Подобно Айни, Лахути много сил вложил в борьбу за высокую идейность и мастерство нашей литературы, поэтому будущие поколения будут свято чтить их труд и деяния и в своем пути следовать их прекрасным заветам.

У Лахути есть такие строки:

«Зачем для меня могила,
Когда мое место — в сердце пролетариата».

Да, великое сердце народа принесет в коммунизм боевой жизнерадостный облик Абулькасима Лахути.

Боки РАХИМ-ЗАДЕ.

ИМЕНИ ЛАХУТИ...

Имя Абулькасима Лахути бесконечно дорого коллективу нашего театра. С ним тесно связан наш творческий путь. Лахути открыл таджикскому народу Грибоедова, Лопе де Вега, Шекспира.

В его переводе наш театр поставил три пьесы Шекспира —«Отелло», «Ромео и Джульетта» и «Король Лир». Каждая из этих постановок была радостным событием и для нас, актеров, и для наших зрителей.

Мне посчастливилось играть Дездемону в «Отелло», Джульетту, а затем и кормилицу в «Ромео и Джульетте».

В дни Великой Отечественной войны я сыграла Лауренсию в пьесе Лопе де Вега «Овечий источник», которую также перевел Лахути.

И каждый раз, произнося переведенный им текст или слушая его из уст своих товарищей, я восхищаюсь красотой и богатством таджикского языка, а также мастерством замечательного поэта, создавшего перевод, доступный широкому зрителю.

Лахути оставил нам подлинное сокровище, переведя на таджикский язык шедевр русской классической драматургии — «Горе от ума».

С. ТУЙБАЕВА,
Народная артистка Таджикской ССР.

Коммунист ленинского призыва

Впервые я встретился с Лахути в Москве, в 1923 году, в Центральном издательстве народов СССР при ЦИК СССР, где я тогда работал секретарем партийного комитета.

Однажды утром, придя на работу, я увидел человека в длинной шинели и кавказской папахе. Вид у него был измученный, но выразительные черные глаза ярко горели. Это был Лахути. Он рассказал мне историю своего участия в борьбе иранского народа против реакционного правительства и английского империализма и о жестоких преследованиях тогдашнего шахского правительства, вынудивших его покинуть родину.

Теперь он хотел работать. Мы предложили ему возглавить таджикскую секцию Центриздата. И он, как человек большой скромности, хотя и согласился на эту работу, но решил некоторое время побыть наборщиком. Лахути хотел лучше узнать рабочих типографии, условия их труда и быта. Скоро он стал отцом для рабочих. Все его любили, уважали за отзывчивость, скромность, внимание к людям.

В 1924 году, после смерти В. И. Ленина, Лахути подал заявление о вступлении в партию Ленина. Вслед за ним подали заявления 250 типографских рабочих. 300 наших юношей и девушек — учеников, наборщиков, печатников разных национальностей вступили тогда в комсомол.

После вступления 550 рабочих в партию и комсомол перед нами встала задача воспитания этих товарищей. Были созданы кружки по изучению истории партии. Тов. Лахути руководил пятью кружками.

ЦК партии дал задание: создать письменность и усилить подготовку журналистских кадров для национальностей, не имевших письменности.

Откуда же брать кадры? Мы посоветовались с тов. Лахути и решили: журналистов надо искать среди студентов Московского университета и институтов. Тогда мы узнали студента филологического факультета МГУ Мусу Джалиля — впоследствии Героя Советского Союза. Муса Джалил стал редактором журнала «Яш эшче» («Молодой рабочий») на татарском языке.

Большое участие в работе с молодежью принимал Лахути. Много сделал он и в области разработки письменности разных народов.

В 1923—24 гг. мне, как депутату Моссовета, поручили собрать с московских улиц всех беспризорных детей-нацменов и организовать для них детдом. В этом деле член бюро парткома Центриздата Лахути принимал горячее участие.

В 1930 году Лахути во главе таджикской секции был командирован в Сталинабад для усиления Таджикского государственного издательства. Он с честью выполнил это поручение ЦК партии.

С. АЛЯМАЕВ,
член КПСС с 1919 года.